

[Get a PDF](#)**P.A.R.K.I.N.G.**

Вчера, на пляже Chism Beach Park, Макс Остроухов пристал к Ане Денбург:

-- Аня, вот ты медик. Представь себе, что ты умеешь видеть в рентгене...

-- В рентгене неинтересно, -- перебила Аня, -- слишком малоинформативный спектр и слишком много посторонних особенностей. Ну или для начала я бы предпочла хотя бы CAT scan в зрении. Чтобы сразу в 3D видеть.

-- Ну хорошо. Или всё-таки в рентгене. Вот если бы ты видела каждый день мужчин в рентгене, это могло бы вызвать у тебя сексуальное чувство? Или не разрушило бы его то знание, что все мужчины – скелеты?

Аня, кажется, ответила, что она медик, и ещё и не такого повидала. И что влюбляется человек, вообще-то, в образ, а не в деталь.

У меня в тот момент возник порыв поделиться своим видением вопроса, но как-то обошлось.

Вернувшись домой, я сделал кучу дел, продрых ночь, сходил на работу, сходил в тир, и, вернувшись опять, почувствовал себя обессиленным. Третьи сутки я не жрал почти ничего из-за небольшой операции на зубах. Под вечер меня сморило голодным сном. Видимо, организм переключился в состояние, в котором я часто пребывал в детстве, лет до 10-ти не умея испытывать чувство голода и потому часто недоедая. Возможно, моё мышление вошло в тогдашний режим. Возможно, помогло сообщение от Ани по Фейсбуку, которая таки запомнила мой порыв поделиться и прислала письмо с вопросом, на которой я не смог ответить, потому что меня накрыло сном.

Я проспал часа три. Поздно вечером. И под конец увидел следующее.

Будто бы я нахожусь в составе группы, летящей в Ирак. Руководитель принёс стопку паспортов на всех. Красивых, красно-жёлтых, почему-то в пейзажном формате, с золотистой тиснённой надписью на корочках непонятными буквами, и ещё, как мне подумалось, очень вкусных, похожих на печенье... Во сне я вышел на крыльцо в сумерки. Я начал приглашать членов группы и раздавать им паспорта. Часть забрали какие-то безликие личности, а штук пять осталось. За ними никто не подошёл, как я ни звал.

Ну как так? И кто эти люди? Я посмотрел.

Лёха Заболоцкий. С которым у нас день рождения в один день, светлый мой, яркий друг, с которым мы так замечательно общались, вместе учась на плазме. С которым, словно с паузы на магнитофоне, в ту же секунду возобновился контакт и в 2006-м, когда я увидел его после шестилетнего перерыва. И который потом пропал, исчез начисто, не отвечая ни на какие письма, не обнаруживаясь ни в каких социальных сетях. Лёха, Лёха, друг мой, где ты?

Валера Ушаков. Лучший школьный друг. Тоже начисто пропавший. Подаривший мне рисунок выжиганием.

На коленях у меня оказывается школьный рисовальный альбом, и я вижу в нём свой рисунок, подписанный «Валере Ушакову». И ещё много рисунков другим людям, сделанных ещё раньше.

Детсадовские подружки Олеся и Айнура. Которые мне нравились просто так. С первого взгляда. Которым я готов был бы подарить хоть рисунок, хоть себя. Так, как дарят что-то дети внезапно понравившимся им взрослым. У меня на полке лежит рыбка, нарисованная и преподнесённая Инарой пару недель назад.

Ещё рисунки в альбоме на коленях во сне, которые я делал для кого-то. И даже, смутно, кажется, гербарий, высохший гербарий, который я собрал для только что погибшего отца, потому что мне хотелось что-то дать ему, подарить. Просто потому что невыносимо хочется донести до этого человека хоть что-то от себя. Хоть что-то...

Я проснулся и задумался. Кажется, у меня не осталось никого, уже много-много лет как никого, кому я хотел бы вот так, с первых 30 секунд общения, что-то взять и подарить. Я вообще-то терпеть не могу что дарить, что получать подарки. У меня сотни хороших знакомых, полдюжины тех, кого я могу назвать близкими друзьями, у меня была жена и десяток женщин -- если за «было» считать секс, многих из них я, мне кажется, люблю, но, похоже, ни к кому из них я не испытываю того детского желания одарить, как к какой-то Айнуре, уже и лица которой не помню...

Я лежал и думал, что, в общем, не узнал ничего особо нового. Что всё это – лишь чувственная интерпретация того, что я хотел сказать Ане словами вчера. Но в образах оно вышло сильнее. В образах я это не только узнал, я почувствовал.

Да, мы влюбляемся в образ. Хорошая аналогия – надпись. Пусть, для простоты, "PARKING". Когда мы читаем её целиком, мы понимаем, что именно сюда нам надо. Не в «Bank», не в "Bellevue Way", не в "Войну и Мир", даже если там есть похожие буквы, а именно в PARKING, читаемый как образ.

Он может быть написан разными буквами. Буква **P** может быть втрое выше остальных. Буква **A** может быть вовсе несветящейся. У буквы **K** может отколоться ножка, **R** предстать костями в рентгене, а буква **G** быть написана самым нелюбимым оттенком цвета баклажановой кожурой, неважно. Это PARKING и он читается как таковой, несмотря на все мелочи. Для тех, кто умеет читать эти образы.

Но, мне кажется, мы разучились! В попытке выбрать самые лучшие парковки мы, вместо чтения слов, начинаем разглядывать буквы! У какого **P** самые длинные и стройные ноги. У какого **A** наиболее высокий интеллект. Представляет ли **R** достаточно весёлый и беззаботный характер? Просвечивает ли в **K** склонность к блядству? **I**, социальный статус, достаточно ли золотыми чернилами выписан? **N**, годовая зарплата, видна ли с двухсот метров? **G**, в меру ли горячо оно в постели? Точка в конце, свидетельствует ли об умении поддержать беседу?

Мы перестали читать образ как целое. Мы влюбляемся в буквы. В секс. В красоту. В примитивность и статус. В нужность и полезность связи. И мы разучаемся писать. «PPPPPP!» – кричат умопомрачительными ножками страницы фейсбуковских красавиц. “pAAAA_{rkq}” – вальяжно доносится с профайлов умников (не надо, не надо проверять буквы, они случайны, кроме **A**, от слова АйКью, хулиганства ради).

Мелодия останётся мгновенно узнаваемой, даже если ей обрезать $\frac{3}{4}$ частот и слегка сжать в ритме. Мона Лиза останется собой, если в её изображении появится куча «битых» пикселей. В «Евгения Онегина» можно напихать сотню опечаток и даже пару злонамеренных «не» перед глаголами, но все эти модификации будут немедленно обнаружены и автокорректированы внимательным читателем, чувствующим картину **в целом**.

Но соцсети не дают образов. Они дают отдельные буквы. Не потому, что несовершенны, нет. А просто потому, что эти буквы рисуем и полируем мы сами. Я знаю одну девушку, которая до сих пор думает, что она мне нравится только за божественно стройное тело. Не подозревая, что в ней есть – или уже только были? – все остальные буквы! Но которые она давно загасила и не позволяет мне даже попытаться их раздуть, крася и лелея свою действительно великолепную букву **P**! Мне за неё страшно, хотя она, кажется, думает что-то совсем другое.

Я переживу. С этого дня я буду меньше доверять сетям. Я ведь знал, уже 10 лет как, что «оно то самое» через интернет не проходит, но всё высматривал «его» в эхах и вторичных сигналах, забыв, забыв просто-напросто сам, как надо читать образы.

Надо смотреть на человека и его поступки, а не слова. Смотреть лучше боком. Тогда образ ухватывается цельнее. Надо слушать. Чтобы не мешали. И тоже «боком», не что он говорит, а себя, какой отклик оно производит в твоей душе. Надо вспомнить себя шестилетним. Надо спросить того ребёнка: «Хочешь с ней поиграть? Давай ей что-нибудь подарим? А сорвать цветок? Хочешь погладить по голове и успокоить? Разрешить, чтобы он/она тебя погладила?» И не останавливаться, не останавливаться, когда ответа не слышно. Он существует, что-то в нашей душе всегда его знает, просто мы не можем его расслышать за шумом гостей, работы и жизненных забот. А надо. Надо вспоминать.

И да, у меня слабость к букве **P**. Да, для меня она заглавная. Но я обещаю (прежде всего себе), что буду теперь вычитывать, вслушиваться во всё слово, которое представляет из себя человек. И не поеду туда, где написано только P P P P P P P. И ещё, кажется, лучше забыть все собранные годами через Фейсбук образы. Им нельзя верить. Надо начинать читать всех встреченных по новой. Перечитывать. В реальной жизни.

А в профайле держать белый лист. Чтобы не создавать ни у кого ненужных иллюзий.

03.07.2013

===

Text Author(s): Eugene Bobukh === Web is volatile. Files are permanent. **Get a copy:** [PDF] [Zipped HTML] === **Full list of texts:** <http://tung-sten.no-ip.com/Shelf/All.htm> === **All texts as a Zip archive:** <http://tung-sten.no-ip.com/Shelf/All.zip> [mirror: <https://1drv.ms/u/s!AhYc4Qz62r5BhO9Xopn1yxWMSxtaOQ?e=b1KSil>] === **Contact the author:** h o t m a i l (switch name and domain) e u g e n e b o (dot) c o m === **Support the author:** 1. **PayPal** to the address above; 2. **BTC:** 1DAptzi8J5qCaM45DueYXmAuiyGPG3pLbT; 3. **ETH:** 0xbDf6F8969674D05cb46ec75397a4F3B8581d8491; 4. **LTC:** LKtdnrau7Eb8wbRERasvJst6qGvTDPbHcN; 5. **XRP:** ranvPv13zqmUsQPgazwKkWCeEaYecjYxN7z === **Visit other outlets:** Telegram channel <http://t.me/eugeneboList>, my site www.bobukh.com, Habr <https://habr.com/ru/users/eugenebo/posts/>, Medium <https://eugenebo.medium.com/>, Wordpress <http://eugenebo.wordpress.com/>, LinkedIn <https://www.linkedin.com/in/eugenebo>, ЖЖ <https://eugenebo.livejournal.com>, Facebook <https://www.facebook.com/EugeneBo>, SteemIt <https://steemit.com/@eugenebo>, MSDN Blog https://docs.microsoft.com/en-us/archive/blogs/eugene_bobukh/ === **License:** Creative Commons BY-NC (no commercial use, retain this footer and attribute the author; otherwise, use as you want); === **RSA Public Key Token:** 33eda1770f509534. === **Contact info** relevant as of 7/15/2022.

===